

Андрей ТАНАСЕЙЧУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУГ АМБРОЗА БИРСА
в 1890-е — 1900-е гг.

Аннотация: Статья посвящена изучению взаимоотношений Амброза Бирса (1842–1914?) с его учениками — Дж. Стерлингом, Г. Шеффауэром, П. Поллардом и Э. Маркэмом. Эти литераторы в 1890-е — 1900-е гг. формировали ближний литературный круг американского писателя. Автор изучает факторы, которые способствовали сближению, характер этих отношений. В их основе лежала эстетическая близость учеников наставнику. Большую роль играли человеческие отношения, политические симпатии и антипатии. Моральный ригоризм писателя препятствовал устойчивому взаимодействию мастера с молодым поколением писателей. Тем не менее, можно говорить о существовании «школы Бирса», амбивалентном характере взаимодействия, в процессе которого не только писатель, но и его ученики влияли на развитие и совершенствование эстетических взглядов и представлений мастера, стимулировали его литературную активность.

Ключевые слова: Амброс Бирс, литературный круг, литература США, Дж. Стерлинг, Г. Шеффауэр, П. Поллард, Э. Маркэм.

Andrey TANASEICHUK

AMBROSE BIERCE'S LITERARY
ENVIRONMENT, 1890–1900

Abstract: The paper studies the relationships of Ambrose Bierce (1842–1914?) with his disciples — George Sterling, Hermann G. Sheffauer, Percival Pollard, and Edwin Markham. These authors formed Ambrose Bierce's closest literary environment in the 1890s — 1900s. The author studies the nature of these relationships, the factors that contributed to mutual rapprochement. The aesthetic views were the basis for their proximity. Human relations, political sympathies and antipathies also played an important role. Bierce's moral rigor created obstacles to sustainable interaction with the authors of younger generation. Nevertheless, one can talk about the phenomenon of "Bierce School", ambivalent nature of their interaction, during which Bierce and his disciples influenced each other, the younger writers as well contributing to the development and advance of their master's aesthetic views and concepts and encouraged his literary activity.

Keywords: Ambrose Bierce, literary environment, US literature, George Sterling, Hermann G. Sheffauer, Percival Pollard, Edwin Markham.

Каждый человек, проживая жизнь, захватывает в орбиту своего существования множество людей, разнообразных событий, встреч, побед и поражений, обманутых ожиданий и сбывшихся надежд, радостей и горя, открытий и разочарований. Эта уникальная феноменология — ценнейший материал для исследователей и биографов. Когда речь идет о человеке творческом — художнике, писателе, ученом и т.д. — особый смысл приобретают горизонты его художественных интересов и его контакты: люди, с которыми он общался, его единомышленники и соперники, учителя и ученики. В силу личного темперамента и обстоятельств жизни, культурного кода эпохи информация подобного рода может быть доступна в большей или меньшей степени, но она необходима для формирования адекватного представления о той или иной фигуре.

Приведенные соображения, разумеется, справедливы и в отношении американского писателя Амброза Гвиннета Бирса (1842–1914?). Однако в данном конкретном случае существуют серьезные препятствия. Один из ведущих журналистов своего времени, он без устали разоблачал мир «негодяев, жуликов и тупиц», но сам не был человеком публичным, был одинок и скрытен. Играла свою роль и устойчивая репутация записного мизантропа. Людские пороки он, якобы, и бичевал так яростно потому, что был человеконенавистником. К тому же, своим современникам он казался анахронизмом, помещенным в условия Соединенных Штатов Америки рубежа XIX–XX вв. Причина заключалась в стойком «литературном» пристрастии к мотивам смерти в эстетике художника, с очевидностью тяготевшей к романтической традиции. Хорошо знавший писателя поэт Джордж Стерлинг совершенно справедливо в письме своему знаменитому другу Джеку Лондону указывал: «Этот старик выкристаллизовался прежде, чем мы с тобой родились» [McWilliams 1967: 285]. Западной наукой о литературе многие из этих представлений давно опровергнуты. Решен, в основном, вопрос о литературных пристрастиях мастера, установлены его предшественники, определены основные «параметры» и истоки его эстетики [Танасейчук 2006, с. 151–163]. Но вот что касается литературного круга Бирса, его учеников и последователей из числа современников — здесь еще далеко до полной ясности. Информация существует, но она дисперсна — рассыпана фрагментами и крупными по воспоминаниям современников, литературоведческим исследованиям, разнообразным биографиям, популярным очеркам, газетным и журнальным статьям. Данное обстоятельство и определило тему настоящей статьи: очертить литературный круг писателя в зрелые годы — на рубеже 1890-х–

1900-х гг., представить когорту его учеников, обрисовать этапы и особенности сотрудничества и взаимодействия мастера с ними.

Несмотря на очевидную склонность писателя к автономности, рядом с ним всегда находились друзья и почитатели таланта, ученики и последователи, те, кому он помогал «войти в литературу». Круг этот никогда не был велик, но можно уверенно говорить о его существовании и видеть в нем фактор, мощно влиявший на обстоятельства личной житейской и творческой судьбы американского беллетриста.

Определенная часть «круга Бирса» — люди далекие от литературы и искусства. Некоторые из них — такие, как банкир Чарльз Кауффман, или, например, бизнесмен У. Стил — были рядом с писателем на протяжении почти всей его жизни. Другие входили в нее и уходили — кто раньше, кто позже, влияя на обстоятельства течения его жизни. Некоторые из них оказывали существенное воздействие, влияние других было менее ощутимо. Но те, кто был близок ему в художественном плане, те, кого он выделил, о ком заботился и поддерживал, вместе с кем размышлял над проблемами эстетики, теории и практики словесного творчества, — мимо них пройти нельзя. Сказать о каждом едва ли возможно. Но была рядом с Бирсом небольшая группа литераторов, которая требует особого обстоятельного разговора. Речь идет о Персивале Полларде (1869–1911), Германе Шеффауэре (1878–1927), Эдвине Маркэме (1852–1927) и — особенно — о Джордже Стерлинге (1869–1926). Каждый из этого своеобразного квартета сумел достичь определенных высот в литературе. Насколько их творческий успех был предопределен участием в их судьбе А. Бирса, можно дискутировать, но то, что в жизни и в творчестве каждого из них он сыграл заметную роль, — бесспорно.

Важно подчеркнуть и еще одно обстоятельство. В основе общения этих людей лежал диалог. Влияние было амбивалентным. Это было подлинное взаимодействие. Не только Бирс влиял на своих учеников, но и они оказывали воздействие на писателя. Интенсивное общение заставляло и самого мэтра больше размышлять над различными аспектами художественного творчества, уточнять собственную эстетическую позицию, четче формулировать принципы мировосприятия, оттачивать систему философских взглядов. Процесс этот реализовывался не только в личном общении — в беседах, письмах и т.д. Размышления в сфере эстетики и философии сформировали целый пласт художественной практики. Это многочисленные эссе, очерки и статьи, посвященные данному кругу тем и проблем. Бирс всегда демонстрировал особый интерес к обозначенным жанрам и темам. Напомним, первый очерк

«эстетического» свойства под названием «Поэзия и версификация» (*Poetry and Verse*, 1878) он опубликовал, когда сам, по сути, был еще учеником. Отдельные статьи и очерки писал и позднее — в 1880-е, в начале 1890-х гг. Однако наиболее активно в сфере эссеистики он работал в конце 1890-х — в начале 1900-х гг., — т.е. в тот период, когда художественное взаимодействие с участниками «квартета» было наиболее интенсивным.

С каждым из них Бирса связывали не только литературные, но и человеческие отношения. Они дружили, энергично общаясь и лично, и в эпистолярной форме. Они помогали писателю заполнить очевидную душевную каверну. Начиная примерно с середины 1880-х гг. у Бирса не было полноценной семьи. Старший сын погиб, затем умер младший, дочь была далеко, и у нее была своя жизнь. Ученики словно восполняли их отсутствие, создавая некий «суррогат» семьи, в которой был он — «патриарх-отец» и были они — его «дети», литературная молодежь. В одном из писем, адресованных Стерлингу, Бирс писал:

... сам я уже давно сформировался, а все, что могло быть у меня в творческом плане, — уже случилось. Но это не важно и значит для меня немного. Но я признан — Вами и Шефом [Г. Шеффауэром — А.Т.], и другими. Данный факт означает, что я не пребываю в полном забвении, и я знаю, что получаю большее удовлетворение, имея касательство к тому, что делаете Вы и что делают другие, — во всяком случае, куда более значительное, нежели от того, что делаю сам. К тому же, какое удовольствие получать знаки внимания и уважения от моих учеников [Bierce 1967: 83].

Г. Шеффауэр, П. Поллард, Э. Маркэм, Дж. Стерлинг были людьми весьма разносторонними. Но их творческая доминанта очевидна: все они (за исключением Полларда), в первую очередь, были поэтами, иные жанры находились на периферии их художественного сознания. Хотя Бирс и писал стихи, себя он поэтом не считал, но, в то же время, совершенно справедливо полагал себя знатоком поэтического ремесла, считая поэзию «самым возвышенным, самым вечным и самым благородным интеллектуальным трудом — наивысшим, самым зрелым из плодов человеческого сознания» [Bierce 1911: 249–250].

Дольше всех писатель дружил с Джорджем Стерлингом — их тесные отношения длились почти двадцать лет. Несколько короче была дружба с Г. Шеффауэром. Совсем недолго — меньше двух лет — продолжались дружеские отношения с Э. Маркэмом. В «человеческом» смысле ближе всех к нему был, безусловно, Шеффауэр, — их общение было очень разнообразным, хотя и доволь-

но неровным. В эстетическом, творческом аспекте его любимцем и наиболее последовательным учеником был Стерлинг. Около двадцати лет Бирс дружил с Поллардом. Особенно тесно они взаимодействовали в годы жизни писателя на востоке США.

Знакомились они при разных обстоятельствах (Стерлинг и Шеффауэр с Бирсом — очно, Поллард и Маркэм — заочно), но примерно в одно время — в начале 1890-х, вскоре после того, как писатель опубликовал свои главные книги, превратившись в литератора с мировой репутацией — мэтра, к которому они относились в соответствии с его статусом.

Некоторое время Бирс большие ожидания связывал с поэтическим талантом Э. Маркэма. Из числа *protégé* мэтра он первым достиг национального успеха. Поэт родился в 1852 году в Орегоне. Он был младшим из десяти детей в семье. Отец умер, когда мальчику не исполнилось и четырех лет. Он почти не получил школьного образования, рано познал тяжелый крестьянский труд — работал сезонным рабочим на калифорнийских фермах, ковбоем на ранчо и т.д., но находил в нем не только угнетающую силу, но большую радость созидания. Отсюда в его поэзии постоянный мотив сельского труда — такого тяжелого, но и радостного одновременно. Несмотря на нелегкие жизненные обстоятельства, Маркэм всегда стремился к знаниям, интенсивно читал. В начале 1870-х он сумел окончить колледж и с тех пор на протяжении многих лет учительствовал в школе, что давало ему хотя и скудный, но постоянный источник существования. Первые стихотворения он сумел напечатать в середине 1890-х в *Overland Monthly* при поддержке ведущих в то время калифорнийских поэтов Хоакина Миллера и Айны Кулбрит. Эти публикации стали первым, заочным знакомством Бирса с Маркэмом. Говорить о том, что поэт знал о Бирсе, нет необходимости. В Калифорнии не было никого, близкого к миру журналистики и литературы, кто его не знал.

Бирс решил помочь начинающему поэту. Между Бирсом и молодым автором (который, кстати, был не так уж и молод — всего лишь на десять лет моложе мэтра!) завязалась интенсивная переписка. Нечасто (Маркэм с семьей жил к северу от Сан-Франциско, выбираться через залив небогатому учителю было далеко и накладно), но, тем не менее, они встречались, обсуждали проблемы поэзии.

Маркэм разительно отличался от многих из тех поэтов, с которыми до той поры общался писатель: он был очень сдержанным, вдумчивым человеком, не склонным к позерству и эпатажу. Эта черта характера привлекала Бирса. Импонировало еще и то, что поэт действительно знал литературу, и его пристрастия не вы-

зывали отторжения у Бирса. Любимым поэтом Маркэма оказался Эдгар Аллан По [Filler 1966: 43]. В глазах истового почитателя великого американского художника, каковым был Бирс, данное обстоятельство говорило о многом. Близость эстетических позиций заставила Бирса принять поэта в число своих протеже. Что привлекло Маркэма в Бирсе? Вполне вероятно, то обстоятельство, что после успеха вышедших в начале 1890-х гг. книг Бирс негласно считался крупнейшей фигурой в литературе региона. В местной художественной среде считалось, что он способен поддерживать или низвергнуть любую литературную репутацию. Американский исследователь творчества Маркэма Л. Филлер, однако, утверждает, что со стороны поэта главную роль играло не это, а особенности его характера и личные обстоятельства жизни. «Выросший без отца, он всегда искал [...] отношения нежного и заботливого, тянулся ко всякому, кто обратил на него внимание» [Filler 1966: 68]. Вероятно, данное свойство сыграло свою роль в установлении доверительных отношений между мэтром и неофитом. А. Бирс одним из первых в Америке опубликовал статью о поэзии Маркэма. Она называлась «Стихотворения Эдвина Маркэма» (*Edwin Markham's Poems*, 1899) и была напечатана на страницах *Examiner*. В своей работе Бирс размышлял о природе поэтического таланта и провозглашал Маркэма продолжателем традиций Дж. Китса и других английских романтиков [Bierce 1911: 139–148].

В канун нового 1899 года Бирс решил представить своего протеже широкой публике. В редакции *Examiner* существовала традиция — устраивать для сотрудников газеты и авторов вечеринку со встречей Нового года. 31 декабря 1898 года на такой вечеринке оказался и Маркэм. При большом стечении гостей он читал свои стихотворения и был встречен с энтузиазмом. Но широкий общественный резонанс, знакомства, которые с помощью Бирса завязал поэт, стали началом стремительного охлаждения между ними. Первоначально, похоже, это была просто ревность со стороны мэтра. А после публикации в середине января 1899 г. самого знаменитого стихотворения Маркэма «Человек с мотыгой» (*Man with a Hoe*) (оно было опубликовано в литературном приложении к *Examiner* вместе с репродукцией картины Ж.Ф. Милле, вдохновившей поэта) их пути разошлись. Бирс, который в вопросах поэзии был большим пуристом, счел фигуру лирического героя не поэтической, а четкую политическую позицию, заявленную в стихотворении, для поэзии неуместной.

Судя по всему, Бирс был органически не способен отделять личные отношения от литературных, политических, мировоззрен-

ческих пристрастий. Писатель мог дружить только с теми, кто разделял его симпатии и антипатии, мог смотреть на мир и художественное творчество «его глазами», иначе дружба заканчивалась. И в отношениях с учениками Бирса, в определенной мере, продолжал оставаться офицером, командиром подразделения, солдатами которого были они. Хотя после успеха «Человека с мотыгой» дружба Бирса с Маркэмом закончилась, время от времени они встречались и позднее — в 1900-е, на Востоке США, но бывших, тех доверительных отношений, что существовали между ними прежде, уже не возникало.

В конце 1890-х — в последние годы жизни писателя в Калифорнии — ближе всех ему был Герман Шеффауэр. Между ними сложились личные — очень тесные, дружеские и, в то же время, непростые отношения. В эти годы молодой человек был своеобразным *cicerone* стареющего мэтра и повсюду сопровождал его. Существует масса фотографий, датированных последними годами XIX века, на которых запечатлены Бирс и его молодой друг — обычно вдвоем — за разбором рукописей, на природе, у стола с напитками и с сигарами в руках или в компании — чаще всего, женской. А вот писем, напротив, сохранилось совсем немного. Дело в том, что они общались, в основном, лично, довольно редко прибегая к переписке. К тому же, Шеффауэр, в отличие от своего наставника, был совсем небольшим любителем эпистолярного жанра и пространным письмам предпочитал почтовые открытки с их неизбежной лапидарностью — черта, неизменно раздражавшая Бирса в молодом приятеле. Не слишком многочисленные письма Бирса Шеффауэру, напротив, обычно велики по объему, насыщены размышлениями писателя о поэзии и о ремесле поэта, о религии, о природе литературного успеха и о современной литературной критике, содержат разборы поэтических сборников американских и английских поэтов [Vierce 1967: 65–67].

Достоверные обстоятельства знакомства Бирса и Шеффауэра неизвестны. Последний неоднократно излагал их на страницах своих мемуарных очерков, опубликованных в 1910–1920-е гг., но каждый раз детали разнились, и доверять им можно до определенного предела. Тем не менее, вероятно, есть смысл привести слова Шеффауэра из его статьи «Амброз Бирс, американский сатирик», фрагмент которой воспроизвел в своей работе У. Нил:

Я знал Амброза Бирса очень хорошо, и наша дружба, продолжавшаяся много лет, была очень тесной. [...] Она обладала удивительной способностью преодолевать время, поскольку началась, когда мне было всего шестнадцать, а ему перевалило за шестьдесят, — тогда мы встрети-

лись впервые. Я принес ему небольшую сатирическую вещицу, и она ему так понравилась, что вскоре мы стали настоящими друзьями, а затем он превратился в моего литературного наставника. С течением времени чувство глубокой благодарности пересилило мои собственные амбиции и заставило понять, как многим я обязан суровой литературной школе и дисциплине мысли, которым он подчинил меня [Neale 1967: 229].

Маститого литератора поразили и возраст поэта, и его несомненные способности. Вообще, все, кто знал Шеффауэра, неизменно говорили о том, что он был талантлив во многих областях словесности — и в поэзии (лирической или иной), и в прозе.

Герман Джордж Шеффауэр родился в Сан-Франциско, в очень бедной (на грани нищеты) семье эмигрантов. Он не получил формального образования, но, вероятно, от природы был исключительно одарен. У. Нил писал о нем: «Шеффауэр был одним из тех редких самородков, что обладали способностью знать, ничему не учась. Воистину, он был рожден, чтобы стать великим» [Neale 1967: 219]. В то же время, все, знавшие его, отмечали двойственность его натуры. Исчерпывающий психологический портрет этого человека можно найти у того же У. Нила [Neale 1967: 211–249]. Последний хорошо знал Шеффауэра и много общался с молодым поэтом в 1900–1920-е гг. Наряду с несомненным талантом он отмечал своеобразную «перверсивность» натуры поэта (используя термин, введенный в обиход Э. По, — “perversity”). Его точил тот же «бес противоречия», что изнурял героев великого американского романтика: толкал к экспериментам с алкоголем, наркотиками, на рискованные любовные приключения и странные, не всегда адекватные поступки; формировал характер, в котором неуверенность в себе сочеталась с поразительным самомнением. Тем более, что, в дополнение ко всему, природа наделила его незаурядными внешними данными. Нил даже сравнил чеканные черты его лица с творением великого Праксителя. Одновременно Нил поражался лени Шеффауэра. Положительно, тот совершенно не умел и не хотел трудиться — совершенствовать написанное, а нередко даже и воплощать задуманное. К тому же, его, как и многих выходцев из «низов», неудержимо влекла мишура успеха, мир богатых и известных, местный аристократический бомонд. Всеми правдами и неправдами он стремился попасть на всевозможные светские рауты и вечеринки, много раз пытался стать членом «Клуба богемы», уже давно переставшего быть «клубом поэтов», но превратившегося в «клуб денежных мешков», о чем не раз с досадой в своих письмах поминал и Бирс [Bierce 1967: 70, 72–73, 73–75].

В отличие от Э. Маркэма, Г. Шеффауэру было совершенно чуждо увлечение политикой, социалистическими и иными общественными идеями. Он не верил во всеобщие «справедливость, равенство и братство» и взирал свысока на людей обыкновенных, полагая лишь людей искусства существами особого — «высшего сорта». К тому же, он не только был поэтом, но и способным живописцем, талантливым рисовальщиком и графиком, экспериментировал в области художественной фотографии, предпринимая попытки соединить ремесло светописси с искусством офорта и гравюры. Немец по национальности и американец в первом поколении, он владел европейскими языками (свободно немецким и немного французским) и ощущал себя чуждым Америке, но своеобразным наследником рафинированной европейской культуры, ее поэтической и художественной традиций. Как поэт он воспринимал себя своего рода послем Европы в Америке. Имена и строки Гуго фон Гофманстала, Ш. Бодлера, Ч.А. Суинберна и Д.Г. Россетти нередко слетали с его губ. Как художник кисти он считал себя продолжателем Уистлера и живописцев-прерафаэлитов. Среди поэтов своей новой родины, вслед за Бирсом, он признавал одного лишь Э. По и так же, как учитель, с глубоким почтением относился к английским романтикам.

А. Бирс полагал дарование и стиль Шеффауэра настолько значительными (в одном из писем поэту он даже обращался к нему «О, лучший из поэтов!» [Bierce 1967, p. 37]) и близкими великому американскому романтику, что всерьез собирался устроить мистификацию, опубликовав в своей колонке в *Examiner* под именем Эдгара По стихотворение своего *protégé* «Море безмятежности» (*The Sea of Serenity*). Они предполагали выдать его за прежде никогда не публиковавшееся и случайно разысканное произведение автора «Ворона» [Fatout 1951: 231].

Безусловно, Герман Шеффауэр был приверженцем теории «чистого искусства», ценителем утонченной красоты, сторонником смелых экспериментов в ее поисках, — и это импонировало учителю. Бирс склонен был видеть в его поэзии воплощение собственных представлений о ремесле поэта, о «поэтическом» и «непоэтическом». Важным достоинством мэтр считал аполитичность поэта — столь редкую в насыщенную политикой эпоху Америки 1890–1900-х гг. Симптоматично: он неоднократно иллюстрировал строками Шеффауэра свои эссе, приводя их в качестве примеров истинной поэзии, «неомраченной» политическими идеями, классовыми симпатиями и антипатиями [Bierce 1911: 181]. В то же время, в поэтических представлениях Шеффауэра и Бирса существовало неявное, но принципиальное отличие. Если наставник

был привержен романтической поэтической традиции, то его ученик уже в конце 1890-х ассоциировал себя с современным западноевропейским декадансом и нарождавшимся авангардом.

С переездом Бирса на Восток интенсивное очное общение между ними прервалось, но творческие контакты сохранились. И на Востоке учитель прилагал усилия по публикации произведений ученика, и это ему нередко удавалось: с его подачи несколько стихотворений Шеффауэра были напечатаны в литературном приложении к *Examiner*; Бирс помог издать первый поэтический сборник молодого поэта в Сан-Франциско. А вскоре и сам Шеффауэр решил покинуть тихоокеанское побережье. В начале 1900-х он отправился в большое путешествие по Европе. Оно продолжалось больше года. В свое время он постоянно сетовал учителю на то, что как поэт не может реализовать себя в США, обсуждал планы уехать из Америки и осесть где-нибудь на исторической родине — в Германии. И находил сочувствие Бирса. Шеффауэр подолгу жил во Франции, Италии, Германии, посылая своему наставнику из тех мест, где останавливался, открытки с живописными видами каждого. Тем не менее, в 1900-е он не нашел в себе сил расстаться с Америкой. Это произошло позднее.

С возвращением молодого поэта из Европы в 1908 году его дружба с Бирсом закончилась. Основные, во всяком случае, видимые причины произошедшего разрыва хорошо известны. Бирс, движимый искренним стремлением помочь своему протеже, договорился с У. Нилом об издании сборника стихотворений *Of Both Worlds* (1903). Он сам составил его и написал к нему предисловие. Но в переговорах с издателем ученик пренебрежительно отозвался об учителе, его эстетических пристрастиях и представлениях о поэзии (вероятно, сыграл свою роль пресловутый шеффауэровский «бес противоречия»). Бирсу стало известно об этом. Но не это потрясло писателя. В конце концов, из-за непростого характера обеих ссоры между ними, бывало, случались, но на этот раз ученик поступил подло: Шеффауэр обвинил Бирса в корысти его отношений со Стерлингом и с некоторыми другими учениками. Поразили Бирса и утверждения Шеффауэра о том, что ему и всем остальным ученикам Бирс только мешал добиться успеха. «Все, даже самые малые успехи, когда-либо достигнутые мной, — есть плод лишь моего собственного тяжелого труда, и в том нет никаких заслуг, кроме моих собственных усилий», — цитировал Бирс слова своего ученика и восклицал: «И это сказано обо мне!» [Vierse 1999: 282]. Это было тем более горько, что Бирс искренне любил Шеффауэра и был очень высокого мнения о его даровании. Единственное, в чем частенько упрекал мэтра поэта, так это в том,

что тот мало работает и постоянно разбрасывается — вместо того, чтобы сосредоточить свои усилия на развитии поэтического дара. Состоялся стремительный обмен письмами, финалом которого стал полный и окончательный разрыв. В своем последнем письме Шеффауэру, датированном 10 января 1909 года, Бирс писал: «Я надеюсь на Ваш успех в литературе и, вероятно, буду ему способствовать (но по-другому, не так, как прежде) — и, естественно, не жду благодарности с Вашей стороны. Но наши личные человеческие отношения закончились [...] Продолжайте пребывать в той же “безмятежности”, что Вам свойственна, а меня оставьте — ныне и навсегда» [Bierce 1999: 282–283].

Видимо, чувства, с которыми Бирс относился к Шеффауэру, были близки к тем, какие отец может испытывать по отношению к сыну. Поэтому горечь, пронизывающая последнее письмо Бирса Шеффауэру, вполне объяснима.

Менее личными, но более ровными и длительными и, в то же время, очень теплыми, были отношения Бирса и Персивала Полларда. В одном из писем Бирса (от 29 февраля 1904 г.) промелькнула вполне симптоматичная фраза о молодом друге: «Он законченный чужак [у Бирса — “queer duck” — А.Т.], и я его люблю» [Bierce 1967: 89].

С Поллардом писатель заочно познакомился с подачи другого своего ученика, — У.Б. Харта. В начале 1890-х (в 1891 или 1892 г.) тот прислал на суд учителю рассказы своего товарища, тогда еще совсем молодого Полларда, и его восторженную рецензию на только что вышедший в Англии сборник Бирса «В гуще жизни». Поллард писал «страшные» рассказы, «сработанные» в той же стилистике, что и у Бирса. Последнему они понравились, и один из них он напечатал в журнале *Wave*, в котором печатался сам и мог влиять на его издательскую политику. За первым последовали другие (всего с 1892 по 1899 гг. в *Wave* было напечатано около двух десятков новелл и несколько переводов Полларда). Их первая личная встреча состоялась в дни, когда Бирс громил в Вашингтоне К. Хантингтона и его Южно-Тихоокеанскую железнодорожную компанию [Танасейчук 2006, с. 49–57]. Очное знакомство переросло в дружбу, которая длилась до самой смерти Полларда в 1911 г. Постоянным местом жительства последнего был городок Сэг-Харбор в штате Коннектикут, но большую часть времени в осенне-зимний период тот проводил в Нью-Йорке, нередко наезжая и в Вашингтон. Этим обстоятельством, кстати, объясняется и скудность эпистолярных свидетельств их общения — обычно они обменивались короткими записками, но чаще встречались лично. Их встречи происходили не только в Нью-Йорке и Вашингтоне,

но и в Сэг-Харборе: в коттедже Полларда Бирс обычно проводил часть весны и лета, а также довольно часто гостил по уик-эндам.

П. Поллард был эмигрантом в первом поколении. Он переехал в Соединенные Штаты из Германии в возрасте шестнадцати лет. Мать его была немкой, а отец англичанином. В семье говорили по-английски, поэтому английский язык он знал в совершенстве, равно как и немецкий — для него родной. Так же, как Шеффауэр, он начинал с поэзии, но довольно быстро (и не без влияния А. Бирса) обратился к прозе. За свою короткую жизнь (он умер, не дожив месяца до сорока трех лет), кроме рассказов, он написал два романа (первый вышел с посвящением А. Бирсу). Но современники (и Бирс в том числе) ценили в Полларде, в первую очередь, критика — острого, пронизательного и бескомпромиссного. Дарованием своим он был близок знаменитому Генри Льюису Менкену, с которым, кстати, дружил. В поле его критического зрения была современная американская литература, с обзорами о текущем состоянии которой на протяжении многих лет он регулярно выступал на страницах периодических изданий и опубликовал книгу эссе (*Their Days in Court: The Case of American Letters and Its Causes*, 1909), а также литература его исторической родины — Германии. Книга о немецкой литературе (*Masks and Minstrels of New Germany*) вышла уже после смерти П. Полларда и вызвала большой интерес не только в США, но и за океаном.

При всех различиях в личных качествах в творческом облике Г. Шеффауэра и П. Полларда было нечто общее, что их сблизало в глазах учителя, — европейское происхождение, ориентация на художественные традиции Старого Света, искренняя любовь к литературе.

Но совершенно особое место среди учеников Бирса принадлежит, конечно, Джорджу Стерлингу. Хотя их дружба и сотрудничество закончились (как прежде отношения с Маркэмом и Шеффауэром) взаимным охлаждением, расстались они не врагами, а людьми, исполненными глубокого и искреннего уважения друг к другу. Но случилось это позднее — незадолго до исчезновения Амброза Бирса в Мексике. В начале–середине 1890-х их дружба только еще «набирала обороты», чтобы достичь своего апогея в конце 1890-х — в 1900-е годы.

«С точки зрения новейших тенденций европейской поэзии, он, вероятно, не был лучшим мастером из всех, кого я когда-либо знал, но я не могу смотреть на дни, когда я благоговел перед ним, без чувства глубокой благодарности», — писал Стерлинг в 1925 году в очерке «Созидатель теней» (*The Shadow Maker*) [Sterling 1925: 11].

В отличие от других участников «квартета под управлением Бирса», Дж. Стерлинг получил прекрасное образование и имел довольно высокое социальное происхождение. Он не был калифорнийцем, а родился на востоке страны, на берегу Атлантического океана — в уже упомянутом городке под названием Сэг-Харбор. Стерлинг был выходцем из религиозной католической семьи, и сам поначалу собирался стать священником. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он поступил в христианский колледж Святого Чарльза в штате Мэриленд. Увлечение религией оказалось недолгим — уже через несколько месяцев молодой человек решил вернуться к светской жизни, но время, проведенное в колледже, оказалось очень важным в формировании Стерлинга, в том числе — художественном и поэтическом. Т. Бенедиктсон, автор единственной к настоящему времени монографии, посвященной творчеству поэта, отмечает, что формирование его началось задолго до знакомства с Бирсом, и истоки его следует искать в тех днях, которые Стерлинг провел в колледже [Benediktsson 1980: 16–18]. Там он встретил своего первого литературного наставника — католического священника и поэта Джона Бэнистера Тэбба. Преподобный был родом из аристократической семьи виргинских плантаторов и в прошлом ярким сторонником дела южан, участником гражданской войны. Попав летом 1864 года в плен к северянам, он подружился с другим в будущем знаменитым поэтом, а тогда таким же заключенным — Сидни Ланиером; в годы Реконструкции обратился к поэзии и религии, а затем стал преподавателем христианского колледжа. В 1880-е, когда Стерлинг стал студентом, поэтическое имя Тэбба было уже хорошо известно. Главным образом, на почве поэзии Стерлинг, уже тогда увлекавшийся версификацией, сблизился с Тэббом. Поэтические воззрения святого отца целиком принадлежали прошлому — его взгляд как к идеалу был обращен к английским романтикам, он был истовым почитателем Китса и Шелли. О значении Тэбба в формировании молодого поэта можно судить хотя бы по тому, что в первом сборнике Стерлинга «Свидетельство небес» (*The Testimony of Suns*, 1903) есть стихотворение, озаглавленное «Над строками отца Тэбба», в котором Стерлинг сравнивает их с цветами — “too delicate for touch”, «слишком нежными, чтобы оскорбить их прикосновением» [Sterling 1903: 121].

В Калифорнию Стерлинг перебрался вскоре после завершения образования — в 1890 г. Его дядя (брат матери) сколотил изрядное состояние, спекулируя недвижимостью в Окленде и Сан-Франциско. Вскоре по переезде к работе в одной из риэлтерских фирм дяди приступил и Стерлинг.

Со Стерлингом Бирс впервые встретился, когда гостил в летнем лагере своего брата Альберта на берегу озера Темескал неподалеку от Окленда. Будучи совсем молодым человеком, Стерлинг был дружен со своими сверстниками — Карлтоном Бирсом, сыном Альберта Бирса, и с Бланш Партингтон, юной ученицей писателя.

Через десять с небольшим лет после исчезновения А. Бирса Стерлинг живописно изложил свои впечатления от первой встречи с писателем. Стерлингу тогда было двадцать три, Бирсу уже сравнялось пятьдесят. И тот, и другой решили спать под открытым небом — Бирс по причине астмы (на открытом воздухе ему было легче дышать), а Стерлинг, скорее, из бравады. Но не привыкший спать на земле молодой человек постоянно просыпался. «[...] когда бы я ни проснулся, — вспоминал он, — я неизменно видел Бирса с лицом, устремленным в небо; его глубокие голубые глаза пронзали тьму небес, он лежал, остановив взгляд где-то на созвездии Лиры» [Sterling 1925: 12]. Настоящее их сближение произошло позже — в конце 1890-х, когда Стерлинг всерьез занялся поэзией, но именно эта первая встреча легла в основу их дружбы.

Можно заметить, что Бирс не сразу включил Стерлинга в число своих ближайших учеников — это происходило постепенно. В 1890-е годы место рядом с мэтром по очереди оспаривали многие. Сначала это была Бланш Партингтон, затем У.Б. Харт, следом Э. Маркэм и, наконец, Г. Шеффауэр. Да и сам Стерлинг разительно отличался от других учеников писателя — слишком уважаемый, слишком богатый и благополучный в глазах Бирса для того, чтобы сделать поэзию главным делом жизни. Но постепенно — особенно после «хантингтоновского дела» — Стерлинг становился все ближе. Мэтр видел вдумчивость, способность прислушиваться к советам и воплощать их. Наконец, он видел дарование Стерлинга, его несомненный поэтический рост (например, в одном из писем Бирс восклицает: «Когда же ваш рост [поэтический. — *А.Т.*] прекратится?») — и сравнивает его талант с талантом Кольриджа [Bierce 1967: 51]). Он поражал начитанностью, знаниями в области истории, искусства, философии и, безусловно, литературы и поэзии. Однажды Бирс даже написал: «Я должен сказать, что величайшим из американцев, конечно, если не вспоминать об Эдгаре Аллане По, следует признать Джорджа Стерлинга» [Bierce 1911: 249]. «Вашу поэзию не сравнить с тем, как пишут другие современные поэты, — замечал писатель. — Ваша способность мыслить, глубина вашей философии — вот что возносит вас над другими» [Bierce 1967: 81].

Бирс в полной мере испытал и личный магнетизм поэта — тот магнетизм, который впоследствии сблизит со Стерлингом Джека Лондона и заставит последнего нарисовать в «Мартине Идене» полный глубокой симпатии портрет Рэсса Бриссендена [Танасейчук 2000, с. 81–84], а затем и сплотит вокруг него молодых калифорнийских поэтов, сделает Стерлинга главой артистической колонии в Кармеле.

В глазах Стерлинга Бирс, конечно, был настоящим литературным патриархом. И не только потому, что последний достиг всеобщего признания как писатель, был на поколение старше и, к тому же, обладал обликом подлинного патриарха, но и потому, что его поэтические предпочтения учителя целиком были обращены в прошлое, а уроки, во многом, перекликались с тем, о чем в 1880-е Стерлингу говорил преподобный Джон Тэбб. Семена, которыми засеивал Бирс душу своего ученика, падали на уже подготовленную почву.

Их отношения были не такими, как отношения между Шеффауэром и Бирсом. В них не было фамильярности, сохранялась определенная дистанция — та, что существует между учителем, которого глубоко уважает и почитает ученик, и учеником, в которого верит и которым восхищается наставник. Их дружба была, главным образом, дружбой литературной — подобной той, что существовала между Флобером и молодым Мопассаном, между М. Горьким и начинающими советскими писателями 1920-х. Ее расцвет пришелся на 1900-е годы, она оставила множество обоюдных письменных свидетельств.

Личное очное общение между ними оказалось своеобразным прологом к общению эпистолярному, которое представляет особый интерес — и в силу насыщенности разнообразными идеями и суждениями, и в силу своей интенсивности. Редкий месяц в период с 1900 по 1910 гг. проходил, чтобы они не обменивались одним или двумя письмами. Письма Бирса к Стерлингу вполне доступны нашему современнику — они составляют большую часть на страницах тома эпистолярного наследия писателя, изданного в 1922 г. (и переизданного в 1967 г.). Важно, что в составлении собрания писем Бирса Стерлинг сам принял деятельное участие и даже написал к нему предисловие. Данные обстоятельства превращают книгу в ценный источник, уточняющий «человеческую» составляющую их отношений и помогающий понять, как развивалось сотрудничество между ними, указывает на его векторы, обозначает круг обсуждаемых тем и проблем.

Интенсивная переписка между Бирсом и Стерлингом началась в 1900-м году, когда первый окончательно решил связать

свою судьбу с Вашингтоном. Судя по всему, изначально инициатором переписки был, главным образом, Стерлинг. Первые письма Бирса — ответы на просьбы поэта дать совет, помочь разобраться. В декабре 1900 г. Стерлинг выслал в адрес писателя несколько сочиненных им сонетов. Бирс ответил пространным посланием, в котором размышляет о природе поэзии, совершает экскурс в историю сонета, приводит способы рифмовки и ритмической организации сонетов Шекспира и Петрарки, дает практические советы, касающиеся поэтического словаря. Затем предметом обсуждения стала поэма Стерлинга «День поминовения» (*Memorial Day*, 1901), которую тот надеялся при помощи старшего друга опубликовать в *New York Journal*.

Уже эти, самые первые письма, дают ясное представление о том, что Бирс, неоднократно устно и письменно утверждавший, что не является поэтом, тем не менее, профессионально и очень тонко разбирался в теоретических аспектах стихосложения. Чувствуется, что он глубоко изучил и историю англоязычной поэзии, ее особенности; был в курсе ее современного состояния и развития. Он легко оперирует не только именами Дж. Китса, С.Т. Колриджа, Э.А. По, Дж. Г. Уитгера, У. Уитмена, других авторов, ссылается на их произведения, приводя отдельные строки, но и дает оценку некоторым современным английским и американским поэтам, обсуждает новейшие поэтические антологии, открывая молодому поэту сильные и слабые их стороны. Кого бы он ни имел в виду, заявляя: «за исключением способности создавать поэзию, способность ее понимать является редчайшим даром интеллекта» [Bierce 1967: 80], очевидно, что он обладал этой способностью.

Исчерпывающий обзор переписки Бирса и Стерлинга дал современный американский исследователь творчества калифорнийского поэта Т. Бенедиктсон [Benediktsson 1980: 68–73]. Тезисно наметим основные доминанты его монографии.

Значительная часть переписки содержит конкретные советы Бирса о внесении изменений в те или иные строки, замене слов, изменении ритмической организации текстов стихотворений. Замечания подобного рода рассыпаны на страницах большинства посланий мэтра ученику. Легко заметить, что Бирс работал над всеми значительными произведениями Стерлинга, написанными и опубликованными в период с 1900 по 1910 гг. Сначала это была поэма «День поминовения», затем стихотворения из книг «Свидетельство небес и другие стихотворения» (*The Testimony of Suns and Other Poems*, 1903) и «Вино волшебства» (*A Wine of Wizardry*, 1909). Интересно обратить внимание и на такой факт: в своих замечаниях и советах Бирс не только выказывает очевидную спо-

способность понимать и тонко чувствовать поэзию, но и демонстрирует изрядные познания, например, в области астрономии и астрологии [Bierce 1967: 56].

Большое внимание Бирс уделяет проблемам языка и поэтического словаря. Он требует от молодого поэта вооружиться словарями и упорно работать над языком [Bierce 1967: 46, 56–57]. Современная американская поэзия, в подавляющем своем большинстве, вызывает у него отторжение, и причина заключается в неумении современных поэтов пользоваться родным языком. Наибольшее раздражение вызывает поветрие использовать диалектизмы и варваризмы в поэзии. Главным образом поэтому он дает отповедь таким поэтам, как Уильям Воан Моуди [Bierce 1967: 124] и Х. Миллер [Bierce 1967: 83], с недоверием относится к Уолту Уитмену и Дж.Г. Уитьеру [Bierce 1967: 47], сурово критикует поэзию Р. Киплинга [Bierce 1967: 73]. Его симпатии лежат в области английской романтической поэзии, ему нравятся стихотворения Теннисона, Браунинга, Суинберна. Впрочем, есть у него упреки и в адрес последнего — из-за излишней, по его мнению, приверженности к архаизмам [Bierce 1967: 131].

К проблеме поэтического словаря примыкают постоянно обсуждаемые в переписке тематические проблемы. Хотя Бирс и заявляет, что «как говорят золотоискатели — золото там, где ты копаешь» [Bierce 1967: 90], тем не менее, цель поэта — красота, и потому в поэзии нет места дидактике — «ремесло философов заставлять нас думать, поэт наполняет нас чувствами», и, тем более, политике. Очевидно, что последнее он считает особенно актуальным для Стерлинга, увлекавшегося социалистическими идеями и окруженного социалистами (напомним, среди друзей поэта были Джек Лондон, Эптон Синклер, другие социалисты). Насколько беспокоили Бирса социалистические симпатии его корреспондента, говорит тот факт, что к этой проблеме он многократно обращается в своих письмах. Показательно и отношение писателя к фигуре М. Горького, о котором Стерлинг отзывался с симпатией. Мэтр несколько раз возвращался к обсуждению фигуры русского писателя, стремясь разубедить своего визави, указать на «преступность» натуры Горького и проповедуемых им убеждений [Bierce 1967: 121–123].

В вопросах поэтики и эстетики поэтического творчества Бирс солидарен с Э. По и не скрывает своей ориентированности на теорию великого американского романтика, постоянно подчеркивая, что истинная поэзия есть плод не вдохновения, но работы мысли. В одном из писем наставник утверждает, что всех поэтов можно разделить на «мыслящих и чувствующих» (“thinkers and feelers”),

но подлинными поэтами являются лишь первые [Bierce 1967: 51]. «В искусстве, — утверждает он, — существует лишь одна важная вещь — необходимо ясно мыслить» [Sterling 1925: 10]. Обращается Бирс и к проблеме поэтических жанров. Он выступает убежденным противником «больших форм» в поэзии и предостерегает своего корреспондента от увлечения крупными поэтическими формами:

Я придерживаюсь (вместе Э. По) точки зрения, что не существует такого явления, как поэма — поэма эпического объема. На самом деле, в лучшем случае, она состоит из поэтических фрагментов, скрепленных речитативом, — я использую оперный термин, но думаю, что здесь он наиболее уместен [Bierce 1967: 92].

Насыщенность проблемами эстетики и поэтики, «техническими аспектами» поэтического творчества не мешали «человеческой» составляющей в переписке. Бирс много и, иной раз, подробно пишет о своих друзьях, о газетной работе, о путешествиях, которые он предпринял или собирается предпринять, о своих впечатлениях по тому или иному поводу. С удовольствием он предаётся воспоминаниям о молодости в Сан-Франциско, об английском периоде жизни. Большое место в переписке уделено отношениям с издателями и редакторами журналов. Пожилой писатель, человек в этих вещах искушенный (напомним, он не только сам автор, в его арсенале и редактирование нескольких журналов!), постоянно подбадривает молодого коллегу, подсказывая, как следует вести себя с редакторами, и советует не приходить в отчаяние от отказов, которые неизбежны. Он добровольно берет на себя хлопоты по переговорам с издателями о публикации книг Стерлинга, и первыми своими сборниками молодой поэт обязан, прежде всего, Бирсу и его усилиям.

Большой и искренней тревогой дышат строки писем Бирса, адресованные Стерлингу после получения известия о катастрофическом землетрясении и пожаре в Сан-Франциско: «Молю Бога за тебя и твоих близких. Чтобы ты ни сообщил о себе и о моих друзьях, — все будет принято с благодарностью» [Bierce 1967: 118].

Многолетняя интенсивная переписка по-человечески сближала Стерлинга и Бирса. Читая их письма, нетрудно заметить, что год от года между ними устанавливались все более теплые, дружеские отношения. С поздней осени 1906 года Бирс даже начинает строить планы — вновь вернуться в Калифорнию и дожить там остаток дней. Поводом к этим размышлениям стало известие от Стерлинга, что на берегу Тихого океана, в местечке Кармел, тот создал артистическую «колонию», и сам поселился в ней. Бирс

настоятельно просит узнать о ценах на недвижимость и сообщить ему. Он мечтает о Кармеле (писатель даже приобрел картину калифорнийского художника с видом Кармела [Bierce 1967: 128]), планирует купить бунгало, собрать в Кармеле своих учеников, поселить их там и поселиться самому.

Т. Бенедиктсон утверждает: «...географическая дистанция хранила их дружбу и столь долгое время оберегала их от ссор и размолвок. Интерес к социализму, богемный стиль жизни, — т.е. все то, что было глубоко неприятно Бирсу, но типично для Стерлинга, — не воздействовало на их взаимоотношения, и у Стерлинга была возможность остаться тщательно опекаемым учеником и другом на такое продолжительное время — по переписке» [Benediktsson 1980: 68]. Трудно не согласиться с американским исследователем. Действительно, Бирс и Стерлинг на многие вещи смотрели по-разному, и размолвок избежать бы не удалось, общайся они лично. Но тысячи миль, их разделявшие, хранили от ссор.

В 1910 году Бирс, наконец, выбрался в Калифорнию, приехал в Кармел, общался со Стерлингом и его друзьями и... испытал жесточайшее разочарование. Вблизи реальность оказалась совсем иной, нежели представлялась по переписке. На этом многолетняя дружба со Стерлингом, к сожалению, закончилась, не выдержав испытания реальностью.

Утрата последнего друга и единомышленника, крушение надежд на «тихую пристань» и «спокойную старость», одиночество и жестоко мучавшие в последние годы болезни — все это, скорее всего, и «подготовило» Бирса к самоубийству, которое он, впрочем, совершил чужими руками [Танасейчук 2006, с. 189–195].

ЛИТЕРАТУРА

[Танасейчук 2006] — *Танасейчук А.Б.* Амброз Бирс: от полудня до заката. Творчество второй половины 1880-х — 1900-х гг. в контексте региональных и национальных литературных традиций. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2006.

[Танасейчук 2000] — *Танасейчук А.Б.* Литературный герой и прототип: Рэсс Бриссенден в романе Джека Лондона «Мартин Иден» и Джордж Стерлинг // Вестник Мордовского университета. 2000. № 3–4. С. 81–84.

[Benediktsson 1980] — Benediktsson, T. *George Sterling*. Boston (MA): Twayne Publ., 1980.

[Bierce 1911] — Bierce, A. *The Collected Works of Ambrose Bierce*. Vol. X. N.Y.; Washington (D.C.): Neale Publ., 1911.

[Bierce 1967] — Bierce, A. *The Letters of Ambrose Bierce*, ed. B.C. Pope. N.Y.: Gordian Press, 1967.

- [Bierce 1999] — Bierce, A. *A Sole Survivor: Bits of Autobiography*, eds. C.T. Joshi, D. Shultz. Knoxville (TN): University of Tennessee Press, 1999.
- [Fatout 1951] — Fatout, P. *Ambrose Bierce. The Devil's Lexicographer*. Norman (OH): University of Oklahoma Press, 1951.
- [Filler 1966] — Filler, L. *The Unknown Edwin Markham: His Mystery and Its Significance*. Yellow Springs (OH): The Antioch Press, 1966.
- [Mc Williams 1967] — Mc Williams, C. *Ambrose Bierce. A Biography*. N.Y.: Archon Books, 1967.
- [Neale 1969] — Neale, W. *The Life of Ambrose Bierce*. N.Y.: AMS Press, 1969.
- [Sterling 1925] — Sterling, G. "The Shadow Maker." *American Mercury* 6 (September 1925): 19–25.
- [Sterling 1903] — Sterling, G. *The Testimony of Suns and Other Poems*. San Francisco (CA): W.E. Wood, 1903.

REFERENCES

- Benediktsson, T. *George Sterling*. Boston (MA): Twayne Publ., 1980.
- Bierce, A. *The Collected Works of Ambrose Bierce*. Vol. X. N.Y.; Washington (D.C.): Neale Publ., 1911.
- Bierce, A. *The Letters of Ambrose Bierce*, ed. B.C. Pope. N.Y.: Gordian Press, 1967.
- Bierce, A. *A Sole Survivor: Bits of Autobiography*, eds. C.T. Joshi, D. Shultz. Knoxville (TN): University of Tennessee Press, 1999.
- Fatout, P. *Ambrose Bierce. The Devil's Lexicographer*. Norman (OH): University of Oklahoma Press, 1951.
- Filler, L. *The Unknown Edwin Markham: His Mystery and Its Significance*. Yellow Springs (OH): The Antioch Press, 1966.
- Mc Williams, C. *Ambrose Bierce. A Biography*. N.Y.: Archon Books, 1967.
- Neale, W. *The Life of Ambrose Bierce*. N.Y.: AMS Press, 1969.
- Sterling, G. "The Shadow Maker." *American Mercury* 6 (September 1925): 19–25.
- Sterling, G. *The Testimony of Suns and Other Poems*. San Francisco (CA): W.E. Wood, 1903.
- Tanaseichuk, A.B. *Ambrose Bierce: Ot Poludnja do Zakata. Tvorchestvo vtoroj poloviny 1880-h — 1900-h gg. v kontekste regional'nyh i nacional'nyh literaturnyh tradicij*. Saransk: Izdatelstvo Mordovskogo universiteta Publ., 2006.
- Tanaseichuk, A.B. "Literaturnyj geroj i prototip: Ress Brissenden v romane Dzheka Londona *Martin Iden* i Dzhordzh Sterling." *Vestnik Mordovskogo universiteta* 3–4 (2000): 81–84.